

СОСТОЯНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ НАСЕЛЕНИЯ ПРИГРАНИЧЬЯ

ОБРАЗЫ «ВРАГА» И «ДРУГА»: ОПЫТ ФИЛОСОФСКОЙ ТИПОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛАХ АНАЛИЗА «УСТНОЙ ИСТОРИИ» ОЧЕВИДЦЕВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ)

*В.А. Белокрылова, Т.А. Капитонова
г. Минск, Институт философии НАН Беларуси, ralfinaster@gmail.com*

Цель статьи – посредством философско-мировоззренческого анализа материалов интервьюирования прояснить социальные механизмы формирования и трансформации образов «врага» и «друга» в военный и послевоенный период.

Ключевые слова: образы «врага» и «друга», историческое сознание, идеология, индивидуальный и социальный опыт.

В рамках работы над научным проектом, финансируемым Белорусским фондом фундаментальных исследований «Образы «врага» и «друга» в свидетельствах очевидцев Великой Отечественной войны: философско-мировоззренческие аспекты формирования исторической памяти» (договор № Г15-106 от 04.05.2015) проведена серия развернутых интервью с респондентами данной целевой группы. На этой основе предпринята философско-мировоззренческая реконструкция основных типологических особенностей образов «врага» и «друга», сформированных под влиянием военных и послевоенных событий, дана оценка их значения в структуре долговременной исторической памяти.

За исходную точку отсчета исследования был принят период Великой Отечественной войны, эмоциональная острота которой и приобретенный опыт жизни в условиях военного времени во многом определили последующие убеждения и взгляды людей, в том числе, и послевоенные представления о «врагах» и «друзьях». Для получения широкого спектра индивидуальных ретроспектив «врага» и «друга», проводились интервью с респондентами, обладающими принципиально различным военным опытом. Так, в числе респондентов: 1) лица, принимавшие участие в боевых действиях (ветераны войны, участники партизанского движения); 2) гражданское население (малолетние узники нацистских концентрационных лагерей, жители оккупированных территорий, эвакуированные и т.д.).

В ходе анализа глубинных интервью были определены наиболее типичные оценки и позиции респондентов. Важной задачей являлось сопоставление субъективных повествований респондентов «о времени, и о себе» с отправными пунктами идеологического дискурса соответствующего периода. Вместе с этим, мы сосредотачиваем свое внимание на исследовании того, как данный идеологический контент преломлялся в сознании населения, как соотносятся идеологические штампы и реальные симпатии граждан. Это позволило бы выявить уязвимые точки «идеологических технологий», выделить фрагменты, которые не вписывались в дихотомическую маркировку социальной реальности.

Материал свидетельств очевидцев, относящийся к изучаемой проблеме, в методологических целях разбит нами на четыре условных блока: «Внешние враги»,

«Внутренние враги», «Внешние друзья», «Внутренние друзья». В данных рамках проводится общее концептуальное осмысление механизмов формирования и трансформации исследуемых образов. Отметим, что деление на указанные блоки относительно. Во-первых, это происходит в силу трансформаций самого идеологического дискурса: нередко содержание «перетекает» из блока в блок, диалектически превращаясь в свою противоположность. Например, резкий поворот от идеологии военного и гуманитарного союзничества с американцами к идеологии конфронтации (от внешнего друга к внешнему врагу). Во-вторых, в силу имманентных границ самого идеологического влияния, возникает расхождение официально-пропагандистского и народного образов врага и друга: нередко люди думали и чувствовали иначе, чем предписывал официальный дискурс. Например, партизан не всегда является внутренним другом, а служитель церкви – внутренним врагом.

Неоднозначные, внутренне амбивалентные данные и оценки из свидетельств устной истории первоначально распределяются нами по разделам в соответствии с официальной идеологической риторикой. Например, коллаборант – враг, политрук – друг. Далее, основываясь на материалах интервью, мы стремимся критически исследовать прочность и универсальность подобных штампов, тем самым, зафиксировав разломы идеологического нарратива.

В тематическом блоке «внешний враг» обобщаются и сопоставляются озвученные нашими респондентами угрозы (актуальные либо потенциальные), исходящие из-за пределов государства. Образ внешнего «врага» служит целям объединения, мобилизации общества и власти против внешней опасности. Исследуя субъективную рецепцию, «субъективную онтологию» внешних угроз, мы акцентируем свое внимание на их восприятии и оценке населением.

Поскольку изучаемый нами период 1945-1953 является переходным между двумя источниками угроз – со стороны немецко-фашистских захватчиков и со стороны американских империалистов (и их союзников), авторы исследования стремились проследить изменения в содержательности, интенсивности и эмоциональной окрашенности «образа врага» в глазах простых людей. В качестве предварительного концептуального замечания следует отметить принципиальную разноуровневость двух исследуемых нами источников угроз, генерирующих «образ внешнего врага». «Немецкая» угроза практически во всех случаях носит характер непосредственного опыта (опыта оккупации, военных действий, потерь и лишения военного периода и т.п.), в то время как «американская» угроза – преимущественно продукт информационно-идеологического дискурса. Соответственно этому обстоятельству меняется и «градус» эмоциональной вовлеченности наших собеседников.

Образ внешнего «Друга» в советской идеологии первого послевоенного времени представляется нам относительным, т.е. производным от доминантного образа внешнего «Врага» и условным, т.е. зависящим от выполнения определенных требований и критериев. Образ внешнего «Друга» эпохи холодной войны – это образ своего «Другого», опосредованный политическим и идеологическим дискурсом. Внешние «друзья» СССР – это, прежде всего, те, кто разделяет социалистическую идеологию и следует по социалистическому пути развития. В категорию внешних «Друзей» СССР начального периода Холодной войны могут быть отнесены: государства социалистического блока, развивающиеся страны третьего мира, прогрессивные движения в капиталистическом блоке, угнетенные трудящиеся капиталистических стран и т.д.

Для советской идеологии изучаемого периода характерен четко выраженный дуализм и отсутствие полутонов в интерпретации «своих» и «чужих». Следуя известному принципу, провозглашается: «Тот, кто - не с нами, тот – против нас». Соответственно, тот, кто «не с нами» автоматически попадает в категорию «врага». Исключением является лишь случай «враг моего врага», который опосредованно становится другом.

Образ внутреннего «Врага» это важная составляющая советской идеологии первой половины – середины XX века. Этот образ в поствоенной Беларуси выполнял функцию легитимизации установившегося после Второй мировой войны социального порядка, и прежде всего, служил оправданию и обоснованию новых репрессий сталинской власти против своих граждан. Довоенный образ внутреннего Врага, костяк которого составляли: кулаки, шпионы – агенты западной разведки, вредители, инакомыслящие – политические заключенные и т.п., – безусловно, сохраняет свою идеологическую направленность, при этом расширяясь и насыщаясь новым содержанием за счет включения в категорию «врагов» лиц, сотрудничавших с оккупационным режимом. В первое послевоенное время основной упор репрессивной, а также идеологической машины советской власти приходится именно на этих новых «врагов», которых «выявила» война. В 1950-е годы, по мере разворачивания «холодной войны», актуализируется новый идеологический дискурс внутреннего врага в лице «низкопоклонников перед Западом» и «безродных космополитов», симметричный образу внешнего врага в лице западных «империалистов».

В качестве содержания блока «внутренних друзей» в нашем исследовании фигурируют те социально-политические группы, которые, согласно официальной идеологической установке, дружественны советскому человеку. Первое что следует подчеркнуть, говоря о «внутреннем друге» в тоталитарном государстве, – это безальтернативный характер «дружбы» со стороны власти. Это «дружба», от которой нельзя отказаться, «дружба», которую следует разделять, и по возможности искренне, хотя бы в целях собственной безопасности. «Главная роль «врага» в этой системе координат – стать негативным фоном значений, на котором могут быть с самой выгодной стороны представлены позитивные значения, достоинства тех героев и персонажей, которые персонифицировали партию и ее вождей... Враги в этом плане – лишь необходимый коррелятивный элемент тиражируемых легитимационных представлений о действительности» [1].

Итак, в пропагандистском дискурсе фигура врага призвана оттенять достоинства власти как единственного подлинного и надежного друга народа. Враг в тоталитарной системе выполняет функцию негативной мобилизации («дружить с кем-то против кого-то»). В условиях дихотомического деления общества на друзей и врагов, роль наиболее надежных друзей с необходимостью отходит к представителям власти. Подобная бескомпромиссная «дружба» закономерно принимает форму патернализма. Нестановительно, личность И.В.Сталина наши собеседники часто отождествляют с фигурой отца.

Особого внимания заслуживает позиция наших респондентов по отношению к репрессивным практикам, с которыми они столкнулись в своем личном опыте или опыте их семьи. Это отношение к репрессивной силе государства как к обезличенному, стихийному, неуправляемому, бессубъектному процессу; это то, что имеет власть над тобой; то, чего нельзя изменить в принципе, а можно только переждать, перетерпеть: «еще хорошо, что все хорошо кончилось». В своих повествованиях люди употребляют неопределенную форму субъекта действия («посадили», «арестовали», «выслали»), что лишней раз подчеркивает анонимность, безликость репрессивного по отношению к гражданам государства. При этом, бессубъектность советского репрессивного аппарата, дополняется готовностью простых людей к бессознательному вытеснению своего недовольства, стиранию даже контуров образа «виновных» в несправедливых, жестоких действиях со стороны власти: «время было такое».

Еще один парадокс касается рецепции образа внутреннего врага, «врага народа» в массовом сознании. С одной стороны, в большинстве своем узники ГУЛАГа не ассоциируются у опрошенных нами очевидцев с врагами, с другой – участники репрессивной системы (ни сверху, ни на местах) зачастую также не определяются интер-

вьюируемыми как враги. Наша гипотеза состоит в том, что уже на подсознательном уровне, происходила «самонейтрализация», подавление и сублимация протестных настроений. Иначе говоря, выживание в тоталитарной системе требует как индивидуально-рациональных, так полубессознательных механизмов вытеснения протестных настроений, недовольства. Именно поэтому репрессии воспринимались населением, в своей массе, как обезличенный, стихийный, неуправляемый процесс, иначе должны были бы быть виноватые, ответственные.

Несмотря на парадоксальный характер сосуществования в опыте коллективного сознания «дружбы» и угрозы со стороны власти, патриотизма и страха, – в военное время происходит мобилизация людей вокруг советской власти, которая еще недавно сама выступала источником угроз. Подобное парадоксальное превращение еще требует своего осмысления: власть-угроза, которую небезосновательно опасались (раскулачивание, уничтожение врагов народа, шпиономания т.п.), в условиях войны вновь превращается для многих советских граждан в единственного защитника и покровителя, т.е. в «друга».

В настоящем исследовании авторы сознательно фокусировали внимание на оценочных суждениях респондентов, имеющих отношение, как к повседневным, так и к важным историческим событиям военного и послевоенного времени, на индивидуальной интерпретации образов «друга» и «врага» в самых разнообразных контекстах. Образы «друга» и «врага» рассматривались нами как мировоззренческие конструкты, появляющиеся в результате семантической и аксиологической маркировки личностью реальности своего существования. Данные конструкты возникают только на пересечении реальностей идеологического дискурса и личного экзистенциального опыта. Одно идеологическое нарратива, не подкрепленного валидностью непосредственно переживаемого опыта, и воспринимаемого исключительно на информационно-рациональном, а не на эмоционально-ценностном уровне, явно недостаточно для формирования личностно-значимых, ценностно насыщенных, потенциально побуждающих к действию конструктов «друга» и «врага». По этой причине, фиксируемые в настоящем исследовании расхождения официально-пропагандистского и личностного образов «врага» и «друга» происходят в точках «разрыва» идеологического дискурса, вне рамок которого люди зачастую думали и чувствовали иначе.

Проведенное исследование позволяет предположить, что образы «врага» и «друга» в обществе тоталитарного типа являются не просто символическими конструктами, но необходимыми компонентами социально-политического контроля в организации социальной реальности, повседневной конституции человека. Через архетип врага воспроизводится своеобразный антимир, призванный оградить от критического взгляда на актуальную социальную действительность. Образ врага также призван минимизировать идейный и ценностный плюрализм, иммунизировать общественное сознание как от инородных интерпретаций и оценок, так и от скепсиса по отношению к доминирующему в социальной системе идеологическому дискурсу. Антимир врага становится фоном, на котором с максимально выгодных сторон позиционируются фигуры-образы друга. Идеологический нарратив и исследуемого нами периода советской истории середины XX века определяет тотальное и бескомпромиссное притязание власти на роль внутреннего друга. Это «дружба», от которой нельзя отказаться, является фундаментом широкого спектра системных явлений недавнего прошлого и, возможно, недалекого будущего.

Список использованной литературы

1. Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997 – 2002 годов. М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004. – 816 с.